

УДК 72.06

DOI: 10.17223/22220836/44/3

**Н.А. Колодий, Р. Баджио, Н.А. Гончарова,
В.Б. Агранович, В.С. Иванова**

ЛОКАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОЙ УРБАНИСТИКИ¹

В статье интерпретируется опыт понимания реальности, которая благодаря локальным текстам в научной и художественной форме формирует устойчивый образ города. Локальный текст рассматривается как важный источник знаний о городе – своеобразной семиосфере, отражающей важные сдвиги в национальном семиозисе. Фокус исследования города, сосредоточенный на изучении культурного ландшафта города, обеспечивает понимание и собственно пространственных практик жителей, и антропологических. Локальные тексты в антропологическом смысле понимаются как конструкт, который отражает региональную идентичность и развивает ее; оказывает влияние на формирование определенных паттернов поведения населения, обусловленного специфической и уникальной системой ценностей.

Ключевые слова: локальный текст, сверх-текст, Петербургский текст, локус, топос, Томский текст, национальный семиозис

Введение

Пространственное воображение – это тот ресурс человека, благодаря которому он может воссоздать любой культурный ландшафт настоящего, прошлого, будущего. По фрагменту разрушенного дома можно восстановить многовековую историю города. По части парка или сквера – продолжающую существовать и сегодня – культуру. По вербальному тексту или визуальному образу – и то и другое.

Но требуется некий (виртуальный или реальный) целенаправленный и организованный (сфокусированный) взгляд на город с высоты птичьего полета, чтобы возникло особое переживание, которое позволит осуществить прорыв из замкнутого мира «здесь и сейчас» в иные миры и пространства, в иные культуры. Некоторые особенности современного развития: сжатие пространства, ускорение времени и обусловленная влиянием этих обстоятельств потребность в актуализации идентичности, индивидуальности – создают особый контекст интерпретации этих переживаний. «Следы переживаний» открывают невидимые части города или представляют город в неожиданном ракурсе. Режимы видения и «зрительства», порождающие тот или иной след, тоже позволяют понять универсальные базовые черты пространственного развития. Но прежде их надо вычлениить.

¹ Исследование выполнено в рамках Программы повышения конкурентоспособности ТПУ и проекта «Европейские практики совместного создания человеко-ориентированных умных городов / Co-creation of EU Human Smart Cities» (сокращенное название: CoHuSC, проект при поддержке программы Европейского союза Erasmus+ Jean Monnet, номер проекта 600426-EPP-1-2018-1-RU-EPPJMO-PROJECT). Содержание данной публикации отражает только точку зрения авторов, Европейская комиссия не несет ответственность за использование содержащейся в ней информации.

Градопроектировщики, которые ведут точечную застройку исторических центров российских городов, ориентируясь либо на эстетизированную «выставочность» деревянного / каменного зодчества; либо на идеологию консервативного поворота к «традиционным ценностям» и «национальному коду», встречают ожесточенное сопротивление жителей таких районов, которые по своему видят особенности пространственного развития зон с богатым культурным наследием. Если бы существовал некий интегрированный локальный текст, отражающий все особенности восприятия таких семиотически сложных территорий; и в нем город-калейдоскоп, который никак не соберется в узор, стал бы видимым, обретшим форму, то, возможно, это привело бы к меньшему количеству пространственных конфликтов. Во всяком случае, подобный текст, если бы и не усиливал миметическую энергию возрождения подлинного культурного и исторического наследия, то точно – не снижал бы [1].

Сегодня существуют исследовательски-творческие проекты¹, цель которых – создание локального текста, фиксирующего отношение жителей к символически значимым местам города, пространству повседневной жизни, местам памяти. Они позволяют обнаружить цельность в раздробленной системе индивидуальных траекторий восприятия. В одном из таких текстов информанты – жители одного из самых аутентичных районов Томска (Заисток, Татарская слобода), подвергшихся в современных условиях достаточно интенсивной застройке, такие как Чапа (Александр Чаплинский), так описывают свое отношение к месту, где прошла вся их жизнь: «Это же Заисток. Истоки здесь были, родники, прочие разные озера. Было хорошо раньше, а вот сейчас понастроили там, за рекой, у меня сердце болит. Каждую лужу там знал...» [2]. На фотографиях информант изображен просто вглядывающимся в окно его деревянного дома. Хотя его взгляд упирается в стену такого же старинного здания, на самом деле он может увидеть привычную для него картинку из другого окна: сквозь зеленую листву деревьев виднеются зеленые же крыши домов.

«Молчание зеленого мира» – этот образ возник много раньше и по отношению к другому пространству. Но удивительно, как этот образ близок Томску. Известно, что он возник тогда, в давние времена, когда крыши в Сибири должно было красить «ярь-медянкой», краской, представляющей собой смесь укуснокислых солей. Для окрашивания железных крыш краску «Парижский зеленый» (еще одно ее название) использовали в смеси со свинцовыми белилами, что и давало узнаваемый оттенок: зелено-голубоватый, почти изумрудный. Семиотика этого сочетания цветов легко декодируется и в прежние времена, и ныне. В сложившейся семиотической системе означаемое для этого цвета – природность, в которую встроена абсолютно естественная жизнь, неспешная и органичная, не терпящая потрясений².

¹ Проект Н. Почтарёвой и ее коллег в Томске. Н. Почтарёва, директор Сибирского филиала ГМВЦ «РОСИЗО», руководитель проекта Академии фотографии «Документальный проект. Томск. Карта историй», представила на круглом столе, инициированном Томским политехническим университетом в рамках Международного форума университетских городов 28 ноября 2019 г., Томск.

² Отреставрированные ворота некоторых домов-усадеб Татарской слободы, которые видит информант документального проекта ежедневно, настолько энергично окрашены в пурпурный или резко-брусничный цвет, что наверняка вызывают у местного коренного населения эстетический диссонанс.

Незаданность формы, ее естественность – вот то, что открывается любому взгляду, обращенному на старинный город. Город может занять то место, которое его позволяет занять природа; он должен подчиниться силе природы, ее рельефу, ее стихиям. Видимо, так думали первые томские архитекторы.

Деревянная лестница, по которой информант спускается, кажется, вобрала в себя все неповторимые черты старинных деревянных домов. На фотографии видно, что он испытывает удовольствие, ощущая под рукой привычную текстуру состарившегося дерева. Он, спускаясь и поднимаясь каждый день, видит свой город частями и осколками: он видит то, что в Заистоке ему дорого: уцелевшие усадьбы, амбары, заборы, ворота и калитки; резные наличники окон. Деревянная резьба даже как бы избыточно украшает эти наличники, карнизы, фризы. Ее многообразие поражает воображение и сегодня: прорезная, пропиленная и объемная, накладная; город создает образ чего-то невесомого, ажурного, не до конца русского. Большая часть людей может видеть Красную мечеть, Белую мечеть, а также то, что уходит, исчезает из уникального пространства города. Город транслирует сакральное в названиях, в самой культовой архитектуре (мечети, храмы, часовни), проникая в сознание людей и почти растворяясь в нем без остатка. Заботиться об исчезающем прошлом – таково содержание взглядывания в город. Но одновременно любой «собиратель взгляда» убеждается: в пространстве города появляется нечто иное. Это иное может имитировать старинное, привычное, родное; но чаще это то, что ему не близко, то, что заставляет его искать близкое ему в прошлом¹. Он ищет привычные четырехскатные крыши домов, которые украшают фронтоны с треугольными завершениями, прерывающие протяженные карнизы; в тимпанах фронтонов – резные солярные знаки... Но осознание того, что все это многообразие исчезнет, повергает в уныние любого.

Когда-то томский поэт А. Олеар в «Цветных стихах» описал молчание городского зеленого мира так: «Зеленым утром из зеленых туч, / в них отыскав зеленое оконце, / зеленой веткой вытянулся луч, / как яблоко, протягивая солнце. / Зеленый день вступал в свои права, / зеленый профиль предьявив в окошко / с зеленой шторой. А за той едва, / зеленая, угадывалась кошка» [З. С. 23]. Сегодня создаются условия трансформации города, которые делают описание этих же зеленых крыш томских особняков как самой пронзительно-непохожей части города, создающей неповторимый колорит изумрудного волшебного (А. Волков), невозможным.

Как невозможно будет скоро представить образ, который создан в мемуарах М. Вериги-Чудновской: «В своих зарисовках, как и в живописных пейзажах Томска, я стремилась передать не только и не столько архитектурные формы и их детали. Но главной моей целью было дать общее впечатление красоты этого города, стоящего на холмах, окруженного тайгой, изгибом большой реки, простором воздуха, погруженного в свою особую цветовую атмосферу, полную отсветов воды и облаков. Цвета стен каменных зданий:

¹ Хотя, кроме ностальгии и таких воспоминаний, материалы проектов дают представление о многовекторной системе поисков истоков, на которых базируется идентичность горожан. Углубление в прошлое вплоть до Грустины – подземельного города-государства, Лукоморья – территории от Томи до Енисея, обозначенной на картах европейцев (карта французского географа Г. Сансона, опубликованная в Риме в 1688 г.; на ней показаны реки Томь, Чулым, Кеть и Енисей, Лукоморьем на этой карте названа обширная территория от Томи до Енисея на широте 56–57 градусов).

белые, розоватые, охристые, оранжево-кирпичные – гармонично сочетались с деревянными постройками, которым придавали воздушность резные украшения. Общая цветовая гамма города как-то приближалась к фрескам Дионисия. С впечатлением от фресок ее сближали крупные планы открытых пространств» [4. С. 110].

Меньше всего современные новые построенные и стилизованные под традиционные деревянные терема строения по своей цветовой гамме приближены к фрескам Дионисия, а стало быть, и к стилю жизни, который мог бы им соответствовать.

Но эта же художница видела в Томске «чудовищную воронку Мальстрема», «столицу Снега», «город Мора»: «Большой, богатый, провинциальный город... он как бы приблизился к магистральному ходу лавины, сделался вдруг могучею воронкой Мальстрема, водоворота, втягивающего в свое жерло толпы людей, попавших в сферу его притяжения», – так она описывала Томск 20-х гг. XX в. [5. С. 139–140]. Таким город видели «сибиряки поневоле»: ссыльные, перемещенные лица, люди, нашедшие на томской земле последнее прибежище. Политический контекст существования, конечно, очень часто определял и эстетическое восприятие. Но эстетика пространства очень часто определяла мировосприятие.

В восприятии Н. Рыбакова, экс-директора архитектурной студии «Архнуво», этот свежий древесно-пахнущий мир существовал так: «Деревянные дома иногда вообще не красили. Прежде была другая экология, и дерево дольше сохраняло свой естественный золотисто-охристый цвет. Сегодня дома в Томске, по прошествии ста лет, выглядят темно-серыми, почти черными. Но, в зависимости от освещения цвет дерева меняется, становится теплым с темно-красным или темно-золотистым оттенком» [6]. Если вспомнить описание художника А. Шиловского: «...В красочном отношении дерево разнообразно и богато. Мох, плесень, сухость или сырость вносят свою художественность в его красочный лик. То оно желтеет, буреет, зеленеет, синееет, сереет, то в нем преобладают горячие тона, то холодные, и надо быть слепым, чтобы этого не заметить», то увидим удивительную общность восприятия [7]. Эта естественность, органичное старение, таинственная мембрана стареющего дерева, уютность усадьбы, слободы – то, что близко горожанам и в прошлом, и в настоящем. Это то, что наполняет мир смыслом, переживаниями, открывает человеку тайну бытия. Даже снижение чувствительности к природному темпоритму жизни не меняет этот ценностный выбор людей, который и является основой для образования новых смыслов и форм существования.

Таким образом, простейшая выборка текстов, отражающих какую-то систему единых образов, символов, метафор, создает удивительную мозаику возможных стратегий восприятия города: города как гармоничного пространства, выстроенного в согласии с природой, который должен эту гармонию хранить; города как сурового места, испытывающего человека на прочность, города «на краю света».

К дискуссии о локальном тексте

Культурный ландшафт города, представляя собой информацию, существующую в символической форме, лишь отчасти может быть рассмотрен как нарратив или локальный текст. Хотя именно этот фокус исследования города

является довольно эффективным. Используя его, мы более полно понимаем и пространственные практики жителей городов (повседневная жизнь, типы распределения власти, богатства, капитала, ресурсов), и собственно антропологические (одинокость, присвоение жизненно необходимого пространства, практики передвижения по городу, взаимодействие на улицах и площадях, конструирование своего приватного пространства, создание основы для определенных форм социальной жизни, досуга, развлечения)¹.

Участвующие в создании городского текста по-разному видели / видят город, по-разному создают этот локальный текст. В современной гуманитаристике словосочетание «локальный текст» (ЛТ) используется в разных контекстах, с акцентом на некоторых наиболее употребительных смыслах. Два из них, сформировавшись в конкретных научных сообществах, функционируют ныне в междисциплинарном пространстве и становятся парадигмальными. Первый смысл связан с филологическим (литературно-семиотическим) подходом. Согласно этому концептуальному подходу, ЛТ это текст, в котором есть некая совокупность символов, идей, образов, смыслов, объединенная определенным стилистическим или мировоззренческим единством; репрезентирующая уникальность города (местности). Впрочем, это может быть и фрагмент локального текста, но настолько выразительный и семиотически насыщенный, что может выступить в истории той или иной местности как формирующий текст, надолго сохраняющий, например, отношение к Сибири как лиминальному пространству. Таков, например, фрагмент текста А.П. Чехова «Из Сибири», задавший парадигму прочтения всего Сибирского текста: «Сила и очарование тайги не в деревьях-гигантах и не в гробовой тишине, а в том, что разве одни только птицы перелетные знают, где она кончается» [8. С. 36]. Таким же, как это ни печально, стал отзыв о Томске как самом скучном городе Сибири.

Согласно второму подходу, локальный текст – это многоуровневая многослойная конструкция, возникающая как результат целенаправленных усилий в рамках полевых городских антропологических исследований, либо как финальный текст, систематизирующий языковые и речевые стереотипы, мотивы и сюжеты определенных нарративов, топонимы города, возникающие в разное время, благодаря которым разные городские сообщества, имеющие общую идентичность, выстраивают образ данного места [9]. Антропологическая интерпретация этого термина получила развитие в результате распространения практики проведения фольклорно-городских исследований [10]. В таком случае антропологическое исследование может объединять определенные фрагменты, которые были выделены исследователями на основании записанных текстов, конструирующих и репрезентирующих пространство города или местности [10–13]. Именно такие исследовательские антропологические проекты заставляют отказаться от выстраивания определенных иерархий локальных текстов, оппозиций: «неофициального» – «официальному», «спонтанного» – «системному», «низового» – «высокому», «традиционного» – «литературному», «архитектурного» – «неархитектурному», «фольклорного» – «сконструированному, неорганичному». По мысли современных исследователей, две сферы функционирования локального текста – «неофици-

¹ Проекты – Деревянный Томск, Томские кружева, Томская деревянная архитектура.

циальная» и «официальная» – находятся в тесном взаимодействии и взаимотрансляции.

Локальный текст предстает как последовательное развитие темы в определенной группе нарративов, образов на основе сформировавшегося ядра – определенного набора признаков, становясь тем самым общекультурным усилителем познавательности, способствующим когнитивной эволюции урбанистики. Провинциальный текст, например в исследованиях Л.О. Зайонц, предстает как антитеза двух «неразрывно связанных друг с другом смыслов – убогого никчемного захолустья и потерянного рая» [14]. Антитезой по отношению к такому локальному тексту, несомненно, выступает столичный текст (Московский или Петербургский). Именно провинциальный текст (в его целостности) становится значимым для восприятия его горожанами и градoproектировщиками, и является навигационным символом изменений города, удерживающим самобытность, особенности городского семиозиса. И.А. Дедков, опираясь на цитаты из И.С. Аксакова, пишет в своих дневниках: «Провинция интересна не как противовес столице, а как „охранительная сила“, „охранительный упор“, как обозначение жизни, не поддающейся скоротечным преобразованиям ее. Меняются внешность, форма, но существо жизни здесь устойчивее, чем где бы то ни было» [15. С.111].

А вот столичный современный текст (в его архитектурном измерении) меняется, несомненно, радикальной, больше благодаря усилиям современных архитекторов. Они намеренно создают иллюзию нового пространства, аисторического по сути, пространства без иерархий, центрирования, без барьеров: «...то, что воплощается в архитектуре – это потеря страха перед вертикалями, перед их использованием в качестве главного направления движения...» [16]. Основные идеи столичного текста: движение, будущее, порыв, представление об архитектуре как «живом организме», как современной модели мира, воссоздающей нелинейность развития, изменчивость Вселенной; сокращение иерархий, усиление коммуникативности, гибкость, креативность...

В текстах, которые создаются различными акторами, можно обнаружить и «культурную реализацию локального мифа», и «последовательное развитие той или иной темы на основе определенных смысловых, стилевых „ядерных“ констант. Иногда это достаточно парадоксальные мифологемы. Создатели Томского текста, например, описывая томские чашеобразные родники травертинового типа, указывают на то, что они вполне могли послужить прототипом чаш Грааля [17]. И часть локальных текстов выстраивается как описание города с двумя тысячами родников, отвечающих за сохранение образа города с особой миссией (особая чистота, древность, сохранение древних мифологем); города, где любое явление скрывало в себе некое значение, заданное таинственным сакральным центром, генерирующим смыслы, ассоциации, образы. Часть архитектурных сооружений поддерживает такое «прочтение города».

Мифологизация Сибири как лиминального пространства русской культуры пронизывала, с другой стороны, как мы уже замечали, многие вариации Томского локального текста [18]. Хотя, по мысли А.С. Янушкевича, Сибирь в локальных городских текстах очень часто предстает не только «как гибельное место каторги и ссылки», но и «как земной рай, некая новая Атлантида, утопическое Беловодье» [19]. Одновременно существует, пускай и в ненаучной

форме, обращение к Лукоморью как символу самых древних истоков Томска (Н. Новгородов), Грустине как ушедшей древней цивилизации (Д. Барчук). Есть в архитектуре города то, что связано с такой системой кодирования смысла бытия города (Татарская слобода).

В контексте нашего исследования мы удерживали в актуальном состоянии одну идею. Есть тексты о городе, способные менять образ города или создавать его заново. Такие тексты можно назвать онтологическими. Онтологической функцией обладают не все локальные тексты. Но самые известные тексты города, такие как Петербургский, некоторые локальные тексты (Пермский, например), несомненно, обладают. Именно эти локальные тексты могли бы более точно сформировать визуальную оптику проектировщиков города. Сейчас как раз наступает такая эпоха, когда в ней назрела острая необходимость. К тому же давно зафиксирована способность текста в новой коммуникативной ситуации актуализировать «скрытые аспекты своей кодирующей системы» [20. С. 162].

Существующие сегодня российские локальные тексты многообразны. Одни из них, имеющие конкретное личностное авторство, связаны с конкретным «гением места» [1, 21–23]. Другие, базирующиеся на серии адекватных семиотических подходов и концепций, задают конкретную и особую парадигму создания городского текста [24–29]. Третьи и создаются как антропологические, и играют особую роль в антропологии города, в становлении самосознания современных горожан [10].

Рабочим определением слова «локальный» для нас является определение, данное в словаре В.И. Даля: «местный, не общий»¹. Исследователь-текстолог А.А. Люсый акцентирует внимание на своеобразном жаргонизме: термине «локал», который нам важен для понимания той сущности локальных текстов, которые влияют на общность описаний города [30]. Идея «локала» как единства физической среды и ее осмысления в той трактовке, которую предложили некогда социальные теоретики Э. Гидденс и А. Филиппов, пересекается с пониманием сверттекста как общей среды объекта и его описания (Н.Е. Меднис). Таким образом, мы будем использовать термин «локал» – как единство образа физического, архитектурного, текстуально-конструируемого, антропологически-уникального.

А в современных условиях это как бы и манифестация самосознания немотствующего провинциального городского большинства.

Мы остановимся на нескольких принципиально важных теоретических узлах в рамках обсуждения гения места и на нескольких семиотических моделях, которые важны для лиц, принимающих или реализующих градостроительные решения.

Указание семиологов на обязательную «незамкнутость» локального текста стало определенной точкой бифуркации для исследователей. Вот эта незамкнутость для одних указывает на сверттекст, на процессуальность, незавершенность, на способность выйти за пределы локального; для других свидетельствует только об открытости и задает определенные стратегии подключения и создания нарративов. Но нам представляется, что для этого

¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб., 1863–1866. Т. 2. С. 240.

совершенно не обязательно выстраивать столь жесткую архитектуру понятий.

Семиотические исследования уже длительное время выстраивают текст города в пространстве культуры как некую онтологическую идею, имеющую свою историю, свою биографию, свою траекторию становления. Локальные тексты в антропологическом смысле больше «работают» на становление региональной идентичности; на формирование определенных паттернов поведения населения, обусловленного определенным родом ценностями. Создатели и интерпретаторы локальных текстов восстают против прежней бытовавшей централизованности на глобальных метатекстах. И очень часто авторы, создающие (протестные поневоле) локальные тексты, получают обвинение в том, что создают образ принципиального провинциала. Но это в том случае, если локальные тексты рассматривать сугубо как явление словесности. Если же под городским локальным текстом в широком смысле понимать продукт овеществленной коллективной деятельности и коллективного бессознательного, то тогда следует признать, что их появление закономерно; и связано оно не с волной очередного протеста провинции, а со временем расцвета «археологии пространства».

В рамках семиотического подхода важнейшей категорией изучения и исследования становится не столько материальное измерение города, сколько его образ, явленный в формах культурной рефлексии. Западные исследователи при этом акцентируют внимание на гуманитарной географии, анализируя целостность города как специфическую пространственную форму; рассматривают феномен текста города как пограничный феномен; продолжают развивать семиотический подход к городу, привлекая к анализу необычные источники или необычным образом интерпретируя опыты художественного картографирования периферийных и «внеисторических» территорий российских на социально-антропологическом, помимо традиционно лингвистического [31–39]. В постсоветских / российских условиях сегодня хотя и спонтанно, очень противоречиво, но все-таки происходит развитие принципов тартуско-московской семиотической школы, а также взаимодействие западных и российских / постсоветских ученых хотя бы в рамках Международных форумов (одиннадцати Лотмановских дней в Таллинском университете) [35], Лотмановских чтений в Тарту [26]. Благодаря этому сложилось представление о городе как семиотически насыщенном пространстве, в котором функционируют и взаимодействуют разные знаковые системы. Это семиотически насыщенное пространство нельзя рассматривать как текст в ряду других текстов. Современные исследователи считают, что город следует интерпретировать как разновидность семиосферы. Благодаря взаимодействию нескольких научных сообществ возник новый разворот в процессе анализа национально-семиозиса, который так или иначе отражался в структуре города, произошло перенесение центра тяжести в сторону анализа смыслоорождения.

Под смыслоорождением подразумевается такая ситуация в жизненных практиках, когда люди приписывают некоему явлению, событию, вещи определенный смысл, давая при этом всему некую оценку. Например, с семиотическим геопоэтическим анализом Урала в русскую культуру вошла новая модель геопространства, доминирующим началом которой стала не равнинная бескрайность, а темная и неистощимая подземная глубина. В оценке глубины

и даже в простом ее описании уже присутствовало неявно положение о явном пространственном преимуществе этого пространственного локуса. Глубина открылась и в антропологическом взгляде на человека, удерживающего неуловимую связь с этой культурой. Любой из локальных текстов, будь то Московский текст [40], Пермский текст [25], Карельский текст [41], Уральский текст [1, 22], Крымский текст [42, 43], Тобольский текст [44], Челябинский текст [45], Екатеринбургский текст [46–48], Томский текст [18, 49–58], основан в принципе на методологии, развиваемой когда-то московско-тартусской школой. Методологи локального текста продолжают ту семиотическую традицию, которую заложил еще Ю.М. Лотман с его пониманием города: город «представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням, город как и культура – механизм, противостоящий времени..., потому что он заново рождает свое прошлое, которое получает возможность сопологаться с настоящим как бы синхронно» [59. С. 325]. Вот и в истории урбанизма появление локальных текстов (не столичных) и их своеобразный ренессанс – это протест провинции, но не типичный протест нетипичной провинции, по-своему немолчаливой или осознающей себя на уровне локального текста; а протест в духе когнитивной справедливости. А может быть, и подобно другим дискурсам сопротивления – новая версия дискурса когнитивной урбанистической справедливости. Претензии городских локальных текстов на выполнение функций метатекста не случайны. Локальный текст не может отразить часть истины, он – вся истина, он – метаистина. Возникающая в самых разных формах память провинциальных горожан приходит в противоречие с памятью наций и даже ставит под сомнение возможность «коллективной памяти». Локальные тексты – это тоже вытесненная память, и они существуют не как история города, а как Память, обладающая, по мнению П. Нора, «новым престижем демократичности и протеста» в отличие «от истории, всегда принадлежавшей власти имущим» [60]. Интерес к социальному конструированию прошлого города, по мнению Б. Шварца, обусловлен (в определенной степени) еще и кризисом историописания, невозможностью репрезентации целей, ценностей репрессированных групп и индивидов, проживающих в сегрегированных частях городского пространства [61].

То, что становится методологически значимым

Если регистрировать чисто количественное измерение в появлении локальных текстов, то можно зафиксировать рост по экстенсимальной кривой. Если обозначить своеобразные точки конstellляции новых смыслов, открываемых участниками процесса, то, на наш взгляд, их несколько:

1. Новое прочтение, пересборка топового подхода к локальному тексту, а потом и использование его подхода в интерпретации провинциального текста [30, 62–66].

2. Осмысление семиотических констант локальных текстов в контексте смещений, происходящих в национальном семиозисе [25].

3. Новая интерпретация двух измерений локального текста: как явления региональной литературы и как антропологического зеркала феномена локальности. Становление эпистемологического исторического идеала такого локального текста, претендующего на это звание, приводит постепенно к от-

казу от иерархии категорий в пользу равноудаленной системы различий. Воплощение такого идеала должно покончить с телеологизмом, универсализмом, европоцентризмом, и должно привести к созданию мультиперспективной и контекстуально-ориентированной истории российских городов, развитию альтернативного подхода [67].

4. Пересборка тесных связей между текстом и внетекстовыми реалиями. Фиксирование в локальном тексте следов внетекстового субстрата [1].

При этом авторы, создающие и исследующие эти локальные тексты, как правило, говорят в последнее время об актуализации потребности в национальном семиозисе. Не исключая такого поворота, сосредоточимся все-таки на антропологической и урбанистической составляющей локальных текстов. Тем более, что сейчас как никогда, очень популярным становится изречение русского философа о том, что всю культуру следует понимать «как деятельность по организации пространства» [68. С. 55], а тексты – как инструмент, открывающий код доступа к сущности города. Если мы просто констатируем, что существуют «ландшафтные знаки этнической целостности, воспринятой в виде судьбы этноса. Таковы для русских река Волга, Куликово поле, Бородино, сыра мать-земля...» [69. С. 77], то мы только означиваем проблему национального семиозиса и пытаемся охарактеризовать деятельность, на базе которой он осуществляется. Эта деятельность, с одной стороны, многогранна и в какой-то степени определяется особенностями природного и культурного ландшафта, а с другой – сама влияет на этот процесс. Всякий текст, отмечает исследователь творчества Ю.М. Лотмана Карл Аймермахер, «представляет, как для лица, порождающего „текст“, так и для того, кто его воспринимает, динамическое, постоянно изменяющееся, т.е. развивающееся во времени явление» [70. С. 362].

По мнению И.Е. Фадеевой и В.А. Сулимова, национальный семиозис, понимаемый как динамический процесс трансформации, передачи смыслов в условиях этнически-окрашенных дискурсивных практик, расширения информационных возможностей общества и усложнения форм, способов мышления, конечно, определяет специфику локального текста [71. С. 7]. В поле зрения интерпретаторов попадает так называемый «дискретный знак недискретной сущности», который свидетельствует, что текст является частью пространства исторической памяти культуры, несет информацию не только о самом себе, но и о целом шлейфе контекстуальных значений. Например, «Сибирский тракт» как самая известная дорога в сознании ссыльных, как лиминальный (пороговый) хронотоп смертельного испытания, он неоднократно описывается как ландшафт маргинального пространства каторги, ссылки, переселения, территория, где «девять месяцев – зима, вместо ягоды-морощка». Это с одной стороны, с другой – если ориентироваться на иконографический образ мира и место Сибири в нем, который давно сформировался и достаточно устойчиво сохраняется в культурной памяти, то следует отметить, что он очень упрощенный. Согласно этому представлению, культура России имеет территориальную организацию, сходную с иконической. Исследователи этого представления отмечают: «Горизонтальные оси пространства – основные реки Европейской России (Волга, Днепр, Дон). Вертикальная ось, соединяющая землю с небом, проходит через Москву, являющуюся сердцем дореволюционной культуры России. Голова России – столичный

Петербург, одновременно являющийся ее инфернальным полюсом. Урал в религиозно-мифологическом контексте представляет собой рубеж, отделяющий цивилизованный мир от территорий относительно дикой природы, Космос от Хаоса. За ним существует хаотичное (с точки зрения Европейской России) пространство потенциальной мощи страны – Сибирь» [72. С. 78].

Городская жизнь представляет собой непрерывный динамический процесс, а не постоянное и неизменное состояние, оно состоит не из объектов, а из событий, некоего сценария событий. Локальный текст – это зеркало такого инсценирования. Но для урбанистики более целесообразно рассматривать локальный текст как совокупность неких уникальных особенностей города и горожан. Хорошо, если разговор позволяет выводить знание к пониманию особенностей национального семиозиса, но это – некая сверхзадача, только упрощающая реконструкцию особенности и уникальности данного пространства.

Отличие нашей позиции заключается в том, что нас интересует исследование не только природы и сущности локального текста, но и объяснение того, как реальность входит в научный, художественный текст, интерпретируется авторами этих текстов, как некоторые общие положения, отражающие единство в понимании особенностей города, встраиваются в конструируемый локальный текст, и одновременно под его воздействием эта реальность и это пространство физически изменяются. При этом мы удерживаем в сознании адаптированную нами концепцию понимания текста в его трехуровневой композиции.

О Томском локальном тексте в контексте общенациональной дискуссии

Мы проиллюстрируем это на примере Томского текста, хотя его анализ до сих пор существует фрагментарно, особенно это касается его антропологической перефокусировки. Выделим три уровня данного текста.

Текст первого уровня – сама урбанистическая реальность как текст, существующий как таковой в сознании исследователя, путешественника, фланёра.

Текст второго уровня – созданный, существующий образ города в реальном тексте (будь то литературный, нонфикшен-текст (фиксирующий ландшафтно-природное, ландшафтно-культурное, архитектурно-архитектурное, мифологическое, сакральное, топонимическое, политически-идеологическое, вернакулярное, историческое измерения города), отражающий уникальные локусы и топосы пространственного развития. Это могут быть тексты с калейдоскопом описаний, нарративов, репрезентаций (мозаика, складывающаяся из фрагментов, осколков), в которых улавливается, «схватывается» некая общность «градоощущения», «градочувствования» (разной степени глубины, образности, метафоричности).

Текст третьего уровня – сконструированный локальный текст, который, стремясь к отражению уникальности, может стать сверхтекстом, если он формирует знание об универсальности и уникальности пространственного развития, о закономерности символического освоения этого чужого пространства, превращая его в свое. Эту роль может выполнить отнюдь не любой текст. Томский текст – может.

Семиотика Томского текста первого уровня задавалась природой, спецификой острожного зодчества, рисовальщиками Второй камчатской экспедиции, канонами книг по архитектуре в эпоху Екатерины, первыми русскими архитекторами в XIX в., народными мастерами-краснодеревщиками, вкусом купцов. Именно в этих городских текстах произошло присвоение городу определенных образов и характеристик, которые представили город как нечто целое: острог, крепость, форпост. Характеристики и образы, фиксирующиеся в окончательно застывшей вербальной или визуальной формуле, отражают в полной мере уникальность и специфичность города. Сибирскость как код территориальности предполагал обилие знаков-символов, определяемых бытием суровых рек, многочисленных холмов, снежных зим, бескрайностью тайги. Известный исследователь В.Г. Залесов замечает, что в декор некоторых домов томскими архитекторами абсолютно сознательно вводились «элементы сибирской природы и орнамент коренных народов края: лепные барельефы в межоконных проемах третьего этажа выполнены в виде изображенных в зеркальной симметрии двух белок, держащих шишки; на эркере дома изображен часто встречающийся у северных народов орнамент в виде ряда треугольников» [73. С. 57]. Не только декоративное оформление домов в прошлом, которое, например, в Томске очень часто выполнялось в неорусском стиле («дом украшает плоскостная резьба растительного орнамента, стилизованные солярные знаки и „полотенца“»), формировало определенные стереотипы сознания, но и философия архитектуры [74].

Кодирование зачастую было связано с тем или иным стилем (северным модерном, неорусским стилем), влияние которого выходило за пределы собственно эстетики. В философии архитектуры и в ее практике (во всяком случае – в региональном сибирском контексте) присутствовала идея противопоставления / противостояния космополитическому общеевропейскому варианту модерна. Семиотика отношений человека и природы, пространства и массы, формы и конструкции в рамках такого противостояния сохраняет свое значение на гораздо более длительное время, нежели время существования собственно архитектурного стиля. А порой и противостояние регионального национально-государственному приобретает особое значение и удерживается в культуре региона достаточно длительное время (сибирское областничество).

Код, связанный с телесностью, таил в себе мужественность закаленного Сибирью характера, означивание мест и локуса, предполагающего особое испытание на прочность. Надо было только сконструировать этот абстрактный символ рациональной упорядоченности и всепроникающего единства, который бы мужественность сибирского характера удерживал и укреплял. Некоторые томские архитекторы и художники (М.М. Щеглов) пеняли местным архитекторам за то, что им «почти чужд сибирский характер», чья уникальность должна быть отражена в зодчестве и архитектуре [73]. Знаки, рождаемые мифологией туземцев, растворялись в общей системе символов, связанных с Сибирью до ее покорения Ермаком. Наличие сложной резьбы, являющейся украшением наличников, окон, фасадов, связано было с доминированием профессиональной агентности краснодеревщиков, ремесленников, обрабатывающих бересту, изготавливающей предметы традиционных сибирских ремесел, с одной стороны. С другой – «метод детально-декоративной

стилизации мотивов сибирской (северной) природы и орнаментов коренных народов края» [73] позволял усложнить систему кодирования, связанную с сибирскостью. Хотя множество иных городских символов возникало в иных сферах, и их функционирование свидетельствовало о сохранении исторической подчиненности знаков жизненных сфер и городских символов национально-государственной семиотике.

Купеческий background Томска задавал еще одну устойчивую систему кодирования. Архитектура, заказчиком которой было купечество, стала «важнейшим свидетельством скрытой мифологии», сохраняющей идею первозданной силы, крепости духа, практичности. Архитектура, создаваемая по их заказу, основывалась на определенных законах статики, на прочной связи с землей, притяжением Земли. Каждая эпоха, по наблюдениям А. Шиловского, «вносила свои стилевые особенности и традиции в деревянное зодчество» [7].

Семиотика Томского текста второго уровня отражалась в видении особенностей города А.П. Чеховым, Н. Эрдманом, В. Курицыным, позднее – томскими художниками. Томский текст здесь ориентирован на эксцесс, провинциальное, случайное, простую жизнь глубокого провинциала. В литературных произведениях этих авторов, с одной стороны, отражается жесткая антиномичность Томского текста: вертикаль / горизонталь, верх / низ, космос / хаос, оформленность / аморфность, а с другой – развивается или подвергается сомнению сама возможность четкого структурирования на основе дихотомического подхода. Образ города складывается из нескольких полярных категорий, где на одном полюсе коды, которые тесно связаны с идентичностью российского провинциального города, а с другой – коды, которые совершенно не привязаны к локальному пространству и этнокультурным специфическим особенностям населения города.

Более сложный режим историчности воспроизводился в описаниях Н. Эрдмана, хотя автор собственно специально и не был озабочен именно этим обстоятельством. Но обозначение новых оснований современной городской жизни, нормализующих асинхронность, множественность ритмов, создающих ценность разности, в его текстах, связанных с Томском, происходит. В этом смысле зеркалом может стать описание в письме, которое пишет 14 декабря 1934 г. актрисе А. Степановой сосланный в ссылку в Томск драматург Н. Эрдман, тремя фразами создавая образ города, позже воспроизводимый кратко: «Я мало еще видел город, но кажется, это „очаровательный старик“, который созвал к себе молодежь всей Сибири. Если в этом городе я буду получать Твои письма, то я заранее уверен, что даже сумею полюбить эти „Снежные Афины“» [75. С. 569]. Н. Эрдман с поэтической легкостью фиксирует в тексте те состояния города, которые и отражают его уникальность и специфичность: «очаровательный старик» (Томск – город с богатейшей историей), «созвал к себе молодежь всей Сибири» (Томск – студенческий город), «снежные Афины» (Томск – столица снега, но одновременно – культурная столица) [Там же]. Время жизни этой совокупной метафоры, схватывающей уникальность города, – достаточно длительное, хотя по большому счету, ее тиражирование на протяжении всего существования напоминало скорее ритуальное заклинание, нежели развитие этих метафор [58]. Но все-таки конструирование антропологии города происходило благодаря и

этому смыслообразу. На роль сверхтекста ни одно описание города как Сибирских Афин претендовать не могло, а со временем и вовсе образ неизбежно устарел и исчез из метафорики, означающей неповторимость Томска. Такую роль исполнили много позднее другие тексты, не всегда литературно-художественные.

Проза томского литератора Ю. Буркина, автора книги «Мальчик и тьма», тоже развивает подобную антиномичность, но по-иному. Сумеречность, фантомность, сновиденность, неуловимость города противостоят светлой, живой, пульсирующей душе города. Ночь и ночной город, насыщенный мрачной фантастичностью, становятся главными элементами городского воображаемого. Какая-то постиндустриальная реальность города открывается не только в романах таких современных авторов, но и в визуальных зарисовках томских художников. Символы, образы, вызывающие ассоциации, связанные со скоростью, свободой передвижения, со спонтанной, ускоряющейся, часто хаотичной коммуникацией и одновременно метафоры обозначающие «одиночество, потерянность в толпе», – вот черты визуальных образов города. Принципиально новая черта, характеризующая город, – ускоренный темп жизни, наличие широких улиц, проспектов, скоростных магистралей, интенсивного автомобильного движения. Самыми популярными кодами в репрезентации пространства в таком контексте выступают символы высоких технологий, приметы современного индустриального города (гироскоп около 8-го корпуса ТПУ в Томске), выставки современного искусства на заводе. Томские художники часто конструируют Томский текст как динамичный, энергетически насыщенный.

Семиотика текстов третьего уровня задается всей системой «знаков» материального, чувственно воспринимаемого городского мира, так и духовного. Именно этот уровень заданности – самый высокий. Из семиотически-антропологического анализа локальных текстов третьего уровня вычитывается антиглобализм, ведущий к формированию капсул времени, карманов времени. В ход идет и реанимация традиции рубленого дерева крестьянского жилища. Главным образом это происходит при почти «революционном» выборе определенной картины прошлого, которая производит базисное ощущение «застывшего времени». Томский писатель В. Костин репрезентирует в своем романе «Колокол и болото» подобную картину прошлого. Еще раньше эту традицию поддерживает и формирует В. Курицын. Достаточно обратиться к одному из фрагментов романа «Томские трущобы»: «Было часов около восьми вечера. В воздухе было тихо и тепло. Падал мягкий снежок. Темная даль Бульварной улицы мигала огненными точками редких фонарей. В душе Егорина поднималось какое-то неприятное чувство тоски и безотчетного страха» [76].

Вот такая жизнь окраин воспроизводится в подобных капсулах времени независимо от подлинного исторического календаря: «На углу Благовещенского переуллка густая толпа гуляющих была задержана неожиданным эпизодом чисто масляничного характера. Человек пять или шесть каких-то парней, пьяных вдребезги, в кошевке, запряженной парой лошадей, на самом углу споткнулись с извозчиком-лихачом тоже в парной упряжке. В извозчицких санках сидели две девицы, чересчур крикливые костюмы которых и напудренные лица свидетельствовали о принадлежности их к какому-нибудь кафешантанному хору» [Там же].

Семиотика Томского текста третьего уровня максимально полно отражается в текстах И. Эренбурга, В. Костина, в творениях художников, которые, создавая неповторимые зарисовки томскости, претендуют на то, что воссоздают квант энергии сохранения подлинности (картины А. Кнэхта, А. Шумилкина); в воплощенных архитектурных замыслах, когда тот или иной квартал «мимикрирует» под старину, подлинность, аутентичность. Тем более, что деревянная застройка, выполненная в классицистическом стиле, сохранившаяся в центральном историческом ядре Томска, представляет собой ценную историко-культурную среду и является важной для сохранения исторического облика города. Деревянные жилые здания когда-то сформировали красные линии исторических кварталов, создав неповторимый облик города. Часть градопроектировщиков считает, что именно они являются ценной застройкой исторической структуры города. Именно они не только формируют силуэт и панораму улиц города, но и задают парадигму российского подлинно сибирского градостроения.

Заключение

Выделение сетки семантических констант, обозначение процессуальности как важной составляющей в локальном тексте, его претензии на создание подлинного рассказа о «гении» данного места (*genius loci*), о его феноменальной, ноуменальной и мифологической (чудесной) сущности, составленной из десятков, сотен, а иногда и тысяч устных и письменных «примарных текстов» [64], – все это вызвало появление особенных локальных текстов, где происходило осмысление человеком конкретного пространства, образованного взаимодействием природного и культурного ландшафтов.

В контексте различения свершаемых акцентов (визуальных и вербальных) интересным представляется выявление двух обстоятельств. С одной стороны, в томском локальном тексте, как онтологическом, действительно, присутствует многочисленное количество так называемых капсул или карманов времени, которые удерживают память о провинциальном городе-хранителе традиционных ценностей (и по сию пору часть писателей акцентирует именно эти символы и пространственные локусы). С другой стороны, есть такие локусы пространства, которые даже не импрессионистически мыслящими художниками изображаются так, что из этих картин можно вычитать необычайный динамизм любой городской формы, вычленив пластичность и многообразие форм современного пространственного развития города. Четкость образа будет зависеть от того, кто конструирует при этом некий интегральный локальный текст.

В данной статье наши усилия были связаны с тем, чтобы описать более или менее подробно, как создаются локальные тексты, в чем их принципиальное отличие от текста в его классической интерпретации. Мы выявили принципиальное отличие двух форм существования локальных текстов. Нас интересовало то, как создавался один из вариантов Сибирского (Томского) текста. В перспективе важно проследить то, как развивался Томский локальный текст (текстуальное, архитектурное и антропологическое измерения). Также мы представим опыт осуществления сравнительного анализа методологий формирования некоторых локальных текстов, которые повлияли на создание Томского локального текста.

Литература

1. Никулина М. Камень. Гора. Пещера. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. 120 с.
2. Почтарёва Н. Документальный проект. Томск. Карта историй // Практики «человеко-ориентированного умного города»: опыт европейских и российских проектов. URL: <https://smartcity.tpu.ru/> (дата обращения: 28.12.2019).
3. Олеар А. Оконный блюз. Книга стихотворений. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 124 с.
4. Микуцкая Т.П. Художник поколения 1890-х гг. М.Б. Вериго : биография и творчество // История и культура Томской области / под ред. Я. Яковлева, Л. Овчинниковой. Томск, 1998. С. 108–115.
5. Вериго М. Воронка Мальстрема // Новый мир. 1991. № 5. С. 139–140.
6. Симонова М. TomskUrbanDesign. Волшебник Изумрудного города: в какие цвета красили Томск. URL: <https://obzor.city/article/415869> (дата обращения: 22.08.2019).
7. Еришов Ю. Томск архитектурный // «Томск Magazine». 2004. № 2. URL: <http://old.duma.tomsk.ru/page/8547/> (дата обращения: 22.08.2019).
8. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М., 1978. Т. 14–15.
9. Ахметова М.В., Лурье М.Л. Материалы бологовских экспедиций 2004 г. // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 336–357.
10. Алексеевский М., Жердєва А., Лурье М., Сенькина А. Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) / под ред. М. Лурье // Штеттл, XXI век: Полевые исследования / сост. В.А. Дымщиц, А.Л. Львов, А.В. Соколова. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 186–215.
11. Штеттл. XXI век. Полевые исследования / сост. В.А. Дымщиц, А.Л. Львов, А.В. Соколова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 292 с. (Studia Ethnologica. Вып. 5).
12. Кулешов Е.В. «А Тихвин тогда маленький был...» // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 161–178.
13. Асс Е. Гипноз пустого листа // archplatforma.ru 2015. URL: <http://www.archplatforma.ru/?act=2&tid=665&stchng=2> (дата обращения: 04.05.2018).
14. Зайонц Л.О. «Провинция» как термин // Русская провинция: миф – текст – реальность. М. : СПб., 2000. С. 12–20.
15. Дедков И.А. Дневник. 1953–1994 / сост. Т.Ф. Дедковой. М. : Прогресс-Плеяда, 2005. 790 с.
16. Plessner H. Wiedergeburt der Form im technischen Zeitalter (Vortrag auf der 25-Jahr-Feier des Deutschen Werkbundes, 14.10.1932) // Ders. Politik, Anthropologie, Philosophie. Aufsätze und Vorträge. Hg. von S. Giamusso, H.-U. Lessing. München, 2001. S. 71–86.
17. Трубникова А. Томские чаши Грааля, или Особо охраняемая территория. URL: <http://green.tsu.ru/blog/wp-content/uploads/2012/10> (дата обращения: 22.08.2019).
18. Киселев В.С. Томск в русской литературе: проблемы и перспективы изучения // Имагология и компаративистика. 2017. № 8. С. 36–61.
19. Янушкевич А.С. Дихотомия сибирского текста // Евроазиатский межкультурный диалог: «свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры. Томск, 2007. С. 334–335.
20. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб. : Искусство-СПб, 2002. 364 с.
21. Бажов П.П. Уральские сказы. М. : РОСМЭН, 2017. 96 с.
22. Иванов А. Уральская матрица. М. : Компаньон, 2008. 322 с.
23. Костин В. Колокол и болото. М. : Беловодье, 2012. 288 с. URL: <http://ognikuzbassa.ru/category-prose/839-vladimir-kostin-kokol-i-boloto-glavy-iz-romana> (дата обращения: 22.08.2019).
24. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. М. : РИЦ Литература, 2014. 212 с.
25. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с.
26. Калинин И. Тартуско-московская семиотическая школа: семиотическая модель культуры / культурная модель семиотики // Новое литературное обозрение. 2009. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/4>
27. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Ученые записки Тартуского государственного университета. 664. Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. XVIII. С. 30–45.
28. Паперный В. Дух Времени и Дух Места в архитектуре // Speech: Genius Loci. 2012. № 9. URL: <https://store.artlebedev.ru/books/press/speech-2012.09> (дата обращения: 20.09.2019).

29. *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследования в области мифопоэтического : Избранное. М. : Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 259–367.

30. *Люсый А.А.* Текстуализация и регионализация: Локальный текст культуры как реализация схемы «Вызова и Ответа». URL: <http://www.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/289--1-r.html> (дата обращения: 22.08.2019).

31. *Carrera F., Formosa C.S.M.* Venice, Italy: A case study of the application of visual, dynamic and scale-invariant analyses for the description, interpretation and evaluation of City Form: final paper: MIT 11.330 (Theory of City Form) // Massachusetts Institute of Technology, Dept. of Urban Studies and Planning. Cambridge, 1997. 142 p.

32. *Duncan J.S.* The City as Text: The Politics of Landscape Interpretation in the Kandyan Kingdom, Cambridge University Press, Cambridge, 1990. 164 p.

33. *Mulvey C., Simons J.* (Eds.) New York: city as text. (Insights). Houndmills, Basingstoke, Hampshire : Macmillan, 1990. 212 p.

34. *Пограничные феномены культуры* : Перевод. Диалог. Семиосфера : Материалы Первых Лотмановских дней в Таллинском университете (4–7 июня 2009 г.) / ред.-сост. И.А. Пильщиков. Таллинн : Изд-во ТЛУ, 2011. 234 с.

35. *Семиотика города*: Материалы Третьих Лотмановских дней в Таллинском университете (3–5 июня 2011 г.) / ред.-сост. И.А. Пильщиков. Таллинн : Изд-во ТЛУ, 2014. 324 с.

36. *Schönle A.* Lotman and Cultural Studies / Ed. by Andreas Schönle. Madison : University of Wisconsin Press, 2006. 164 p.

37. *Waldstein M.* Soviet Empire of Signs: a History of the Tartu School of Semiotics. [Germany:] VDM Verlag, 2008. 212 p.

38. *Купovykh M.* Russifying Estonia? Jurii Lotman and the Politics of Language and Culture in Soviet Estonia // *Kritika*. 2007. Vol. 8, № 3. P. 561–596.

39. *Турома С.* Семиотика городского пространства Ю.М. Лотмана // Новое литературное обозрение. 2009. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/4/semiotika-gorodskogo-prostranstva-yu-m-lotmana-opyt-pereosmysleniya.html> (дата обращения: 20.08.2019).

40. *Москва* и «московский текст» русской культуры : сб. ст. М. : РГГУ, 1998. 226 с.

41. *Разумова И.А.* «Под вечным шумом Кивача» (Образ Карелии в литературных и устных текстах) // Геопанорама русской культуры : Провинция и ее локальные тексты. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 101–121.

42. *Люсый А.П.* Крымский текст в русской литературе. СПб. : Алетейя, 2003. 314 с.

43. *Фадеева Т.М.* Крым в сакральном пространстве : История, символы, легенды. Симферополь : Бизнес-Информ, 2000. 164 с.

44. *Иванов А., Зайцева Ю.* Дебри. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. 442 с.

45. *Милюкова Е.В.* Челябинск: окно в Азию, или Край обратной перспективы // Русская провинция: миф – текст – реальность. М. ; СПб. : Лань, 2000. С. 347–361.

46. *Соболева Е.Г.* Формирование мифа «Екатеринбург – третья столица» в текстах СМИ // Литература Урала : история и современность. Вып. 2. Екатеринбург : УрО РАН : Изд. Дом «Союз писателей», 2006. С. 95–103.

47. *Литовская М.А.* Литературная борьба за определение статуса территории: Ольга Славникова – Алексей Иванов // Литература Урала: история и современность. Вып. 2. Екатеринбург : УрО РАН : Изд. Дом «Союз писателей» 2006. С. 66–76.

48. *Клочкова Ю.В.* Формирование екатеринбургского мифа в литературе и его трансформации в произведениях свердловских авторов 20–30 годов XX века // Язык вражды и согласия в социокультурном контексте современности. Екатеринбург, 2006. С. 455–471.

49. *Аванесов С.С.* Сакральная топика русского города // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2016. № 1 (7). С. 71–114.

50. *Богданова О.В.* Архитектурный облик Томска. Томск : Красное знамя, 2005. 144 с.

51. *Бойко В.* Архитектура городов Томской губернии и сибирское купечество (XVII – начало XX века): Томск, Бийск, Барнаул, Кузнецк, Колывань, Камень-на-Оби, Нарым, Мариинск, Новониколаевск / В.П. Бойко, Е.В. Ситникова, Н.В. Шагов, О.В. Богданова, В.Г. Залесов, Т.Н. Манонина ; под ред. В.П. Бойко. Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2011. 480 с.

52. *Ситникова Е.В.* Деревянная архитектура Томска второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2011. № 1. С. 59–65.

53. *Залесов В.Г.* Архитекторы Томска (XIX – начало XX века). Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2004. 170 с.

54. *Дмитриенко Н.М.* К вопросу о месте основания города Томска // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 2 (10). С. 95–108.
55. *Резанова З.И.* Мифологема «Томск – Сибирские Афины» в коммуникативных тактиках публицистического дискурса (на материале еженедельной периодики г. Томска) // Язык и культура. 2010. № 1. С. 74–84.
56. *Романова Л.С.* Здесь начинался Томск. Прошлое, настоящее, будущее / Л.С. Романова ; Томский государственный архитектурно-строительный университет. Томск : Изд-во Том. гос. архит.-стр. ун-та, 2004. 244с.
57. *Чёрная М.П.* Томский кремль середины XVII – XVIII в. : Проблема реконструкции и исторической интерпретации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 187 с.
58. *Суханов В.А., Щербинин А.И.* Жизнь и смерть «Сибирских Афин»: проблема жизненного цикла метафорического топонима в различных дискурсах XX – начала XXI в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 149–170.
59. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. 704 с.
60. *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>
61. *Schwartz B.* Introduction: the Expanding Past // Qualitative Sociology. 1996. Vol. 9, № 3. P. 275–282.
62. *Кацис Л.* Логос В.Н. Топорова в локусе «петербургского текста» русской литературы // Новое литературное обозрение. 2009. № 98. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/4/logos-v-n-toporova-v-lokuse-peterburgskogo-teksta-russkoj-literatury.html> (дата обращения: 27.08.2019).
63. *Меднис Н.Е.* Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. URL: <http://knie;orod.gmsib.ni//files/36.rar> (дата обращения: 22.08.2019).
64. *Шукин В.* Локальный текст // Гуманитарная география. М. : Институт Наследия, 2010. Вып. 6. С. 290–293.
65. *Бахманн-Медик Д.* Режимы текстуальности в литературоведении и культурологии. Вызовы, границы, перспективы // Новое литературное обозрение. 2011. № 107. С. 32–48.
66. *Тюпа В.И.* Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
67. *Кропотов С.Л.* Локальный текст как технология символической реструктуризации старопромышленной территории // Город; Пермь: смысловые структуры и культурные практики. Пермь, 2009. С. 131–171.
68. *Флоренский П.А.* Анализ пространственности и времени в художественно-образительных произведениях. М., 1993. 321 с.
69. *Чеснов Я. В.* Лекции по исторической этнологии. М., 1998. 384 с.
70. *Аймермахер К.* Знак. Текст. Культура. М. : РГГУ, 2001. 394 с.
71. *Фадеева И.Е., Сулмов В.А.* Семиозис: субъективная антропология символической реальности. СПб. : Астерион, 2013. 252 с.
72. *Лавренова О.А.* Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX в.: (геокультурный аспект). М., 1998. 95 с.
73. *Залесов В.Г.* Национально-романтические тенденции архитектуры стран Северной Европы и их отражение в Томске // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2017. № 6. С. 50–67. URL: <https://vestnik.tsuab.ru/jour/issue/view/20/showToc> (дата обращения: 23.08.2019).
74. *Емельянов Е.Ю., Ситникова Е.В.* Модерн в деревянной архитектуре г. Томска начала XX в. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2019. № 1. С. 114–125. URL: <https://doi.org/10.31675/1607-1859-2019-21-1-114-125> (дата обращения: 23.08.2019).
75. *Эрдман Н.* Переписка с А. Степановой // Николай Эрдман. Самоубийца : Пьесы. Интермедии. Переписка с А. Степановой. Екатеринбург, 2000. С. 303–582.
76. *Курицын В.В.* Томские труппы. Томск, 1990. URL: http://az.lib.ru/k/kuricy_n_w_w/text_0020.shtml (дата обращения: 22.08.2019).

Nataliia A. Kolodii, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: kolna@tpu.ru

Rodolfo Baggio, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: rodolfo.baggio@unibocconi.it

Natalia A. Goncharova, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: natg@tpu.ru

Viktoriya B. Agranovich, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: vika@tpu.ru

Vera S. Ivanova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: vcsoc@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2021, 44, pp. 25–47.

DOI: 10.17223/2220836/44/3

LOCAL TEXTS ARE IN THE FOCUS OF MODERN URBANISM

Keywords: local text; over-text; Petersburg text; locus; topos; Tomsk text; national semiosis

The article deals with the fact that in modern humanities the phrase “local text” (LT) is used in different contexts, with an emphasis on some of the most common meanings. Two of them, having formed in specific scientific communities, now function in an interdisciplinary area and become paradigmatic. The first meaning is associated with a philological (literary-semiotic) approach. According to this conceptual approach, LT is a text in which there is a certain set of symbols, ideas, images, meanings, united by a certain stylistic or ideological unity; representing the uniqueness of the city (territory).

According to the second approach, a local text is a multi-level and multilayered construction. In one case, this is the result of purposeful efforts within the urban anthropological field research. And in another case, the final text that systematizes linguistic and speech stereotypes, motives and plots of certain narratives, city toponyms that arise at different times; thanks to which different urban communities with a common identity build the image of a given place.

The local text appears as a sequential development of a theme in a certain group of narratives, images based on a formed core – a certain set of features, thereby becoming a general cultural amplifier of cognition, contributing to the cognitive evolution of urban studies.

In the context of our research, we highlight the idea that there are texts that can change the image of the city or create it anew. These are ontological texts. Not all local texts have an ontological function. At the same time, the most famous Texts of the city, such as Petersburg, some local texts: Perm, Tomsk, for example, undoubtedly have it.

The article draws attention to key ideas in the discussion of local texts, including the Tomsk text, which are becoming significant for urban studies, for understanding the features of urban anthropology.

New reading, reassembly of Topor's approach to the local text, and then the use of his approach in the interpretation of the provincial text.

Comprehension of the semiotic constants of local texts in the context of the displacements occurring in national semiosis.

A new interpretation of two dimensions of the local text: as a phenomenon of regional literature and as an anthropological mirror of the phenomenon of locality.

The emergence of the epistemological historical ideal of such a local text claiming this title gradually leads to the abandonment of the hierarchy of categories in favor of an equidistant system of differences. The embodiment of such an ideal should do away with teleologism, universalism, Eurocentrism, and should lead to the creation of a multiperspective and contextually oriented history of Russian cities, and the development of an alternative approach.

References

1. Nikulina, M. (2002) *Kamen'. Gora. Peshchera* [Stone. Mountain. Cave]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
2. Pochtareva, N. (n.d.) *Dokumental'nyy proekt. Tomsk. Karta istoriy* [A documentary project. Tomsk. A Map of Stories]. [Online] Available from: <https://smartcity.tpu.ru/> (Accessed: 28th December 2019).
3. Olear, A. (2007) *Okonnyy blyuz. Kniga stikhotvoreniy* [The Window Blues. A Book of Poems]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Mikutskaya, T.P. (1998) *Khudozhnik pokoleniya 1890-kh gg. M.B. Verigo: biografiya i tvorchestvo* [An artist of the 1890s generation. M.B. Verigo: biography and creativity]. In: Yakovlev, Ya. & Ovchinnikova, L. (eds) *Istoriya i kul'tura Tomskoy oblasti* [History and Culture of Tomsk Region]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 108–115.
5. Verigo, M. (1991) *Voronka Mal'strema* [Maelstrom's funnel]. *Novyy mir*. 5. pp. 139–140.

6. Simonova, M. (n.d.) *TomskUrbanDesign. Volshebnik Izumrudnogo goroda: v kakie tsveta krasili Tomsk* [TomskUrbanDesign. The Wizard of the Emerald City: what colors did Tomsk look like?]. [Online] Available from: <https://obzor.city/article/415869> (Accessed: 22nd August 2019).
7. Ershov, Yu. (2004) Tomsk arkhitekturnyy [The Tomsk Architecture]. *Tomsk Magazine*. 2. [Online] Available from: <http://old.duma.tomsk.ru/page/8547/> (Accessed: 22nd August 2019).
8. Chekhov, A.P. (1978) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols]. Moscow: Nauka.
9. Akhmetova, M.V. & Lurie M.L. (2005) Materialy bologovskikh ekspeditsiy 2004 g. [Materials of the Bologov expeditions in 2004]. *Antropologicheskiy forum – Forum for Anthropology and Culture*. 2. pp. 336–357.
10. Alekseevskiy, M., Zherdeva, A, Lurie, M. & Senkina, A. (2008) Slovar' lokal'nogo teksta kak metod opisaniya gorodskoy kul'turnoy traditsii (na primere Mogileva-Podol'skogo) [The dictionary of the local text as a method of describing the urban cultural tradition (a case study of Mogilev-Podolsky)]. In: Dymshits, V.A., Lvov, A.L. & Sokolova, A.V. (eds) *Shtetl, XXI vek: Polevye issledovaniya* [Shtetl, 21st century: the field research]. St. Petersburg: St. Petersburg European University. pp. 186–215.
11. Dymshits, V.A., Lvov, A.L. & Sokolova, A.V. (eds) (2008) *Shtetl, XXI vek: Polevye issledovaniya* [Shtetl, 21st century: the field research]. St. Petersburg: St. Petersburg European University.
12. Kuleshov, E.V. (2004) “A Tikhvin togda malen'kiy byl...” [“And Tikhvin was small then ...”]. In: Belousov, A.F., Abashev, V.V. & Tsivyan, T.V. *Geopanorama russkoy kul'tury: Provintsiya i ee lokal'nye teksty* [The Geopanorama of Russian Culture: Province and Its Local Texts]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 161–178.
13. Ass, E. (2015) *Gipnoz pustogo lista* [The hypnosis of an empty sheet]. [Online] Available from: <http://www.archplatforma.ru/?act=2&tgid=665&stchng=2> (Accessed: 4th May 2018).
14. Zayonts, L.O. (2000) “Provintsiya” kak termin [“Province” as a term]. In: Sazhin, V.N. (ed.) *Russkaya provintsiya: mif – tekst – real'nost'* [The Russian Province: Myth – Text – Reality]. Moscow; St. Petersburg: [Tema]. pp. 12–20.
15. Dedkov, I.A. (2005) *Dnevnik. 1953–1994* [Diary. 1953–1994]. Moscow: Progress-Pleyada.
16. Plessner, H. (2001) Wiedergeburt der Form im technischen Zeitalter (Vortrag auf der 25-Jahr-Feier des Deutschen Werkbundes, 14.10.1932). In: Giamusso, S. & Lessing, H.-U. (eds) *Politik, Anthropologie, Philosophie. Aufsätze und Vorträge*. München: Wilhelm Fink Verlag. pp. 71–86.
17. Trubnikova, A. (n.d.) *Tomskie chashi Graalya ili Osobo okhranyaemaya territoriya* [The Tomsk Grail or Specially Protected Area]. [Online] Available from: <http://green.tsu.ru/blog/wp-content/uploads/2012/10> (Accessed: 22nd August 2019)
18. Kiselev, V.S. (2017) Tomsk in Russian literature: problems and prospects of research. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 8. pp. 36–61. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/8/3
19. Yanushkevich, A.S. (2007) Dikhotomiya sibirskogo teksta [The dichotomy of the Siberian text]. In: Lebedeva, O.B. (ed.) *Evroaziatskiy mezhkul'turnyy dialog: “svoe” i “chuzhoe” v natsional'nom samosoznanii kul'tury* [Eurasian intercultural dialogue: “ours” and “aliens” in the national consciousness of culture]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 334–335.
20. Lotman, Yu.M. (2002) *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and Typology of Russian Culture]. St. Petersburg: Iskustvo-SPB.
21. Bazhov, P.P. (2017) *Ural'skie skazy* [Tales from the Urals]. Moscow: ROSMEN.
22. Ivanov, A. (2008) *Ural'skaya matritsa* [The Ural matrix]. Moscow: Kompan'on.
23. Kostin, V. (2012) *Kolokol i boloto* [The Bell and Swamp]. Moscow: Belovod'e.
24. Antsiferov, N.P. (2014) *Dusha Peterburga* [Petersburg's Soul]. Moscow: RIT's Literatura.
25. Abashev, V.V. (2000) *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka* [Perm as text. Perm in Russian culture and literature of the 20th century]. Perm: Perm State University.
26. Kalinin, I. (2009) Tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola: semioticheskaya model' kul'tury / kul'turnaya model' semiotiki [The Tartu-Moscow semiotic school: a semiotic model of culture / cultural model of semiotics]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 4. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/4>
27. Lotman, Yu.M. (1984) Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [The symbolism of St. Petersburg and the problems of the city semiotics]. In: Lotman, Yu.M. (ed.) *Semiotika goroda i gorodskoy kul'tury* [Semiotics of the city and urban culture]. Issue 13. Tartu: Tartu Riiklik Ülikool. pp. 30–45.
28. Papernyy, V. (2012) Dukh Vremeni i Dukh Mesta v arkhitekture [Genius Temporis and Genius Loci in Architecture]. *Speech: Genius Loci*. 9. [Online] Available from: <https://store.artlebedev.ru/books/press/speech-2012.09> (Accessed: 20th September 2019).

29. Toporov, V.N. (1995) *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in Mythopoetic: Selected Works]. Moscow: Progress – Kul'tura. pp. 259–367.
30. Lyusyuy, A.A. (n.d.) *Tekstualizatsiya i regionalizatsiya: Lokal'nyy tekst kul'tury kak realizatsiya skhemy "Vyzova i Otveta"* [Textualization and regionalization: the local text of culture as an implementation of the "Challenge and Response" scheme]. [Online] Available from: <http://www.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/289--1-r.html> (Accessed 22nd August 2019).
31. Carrera, F. & Formosa, C.S.M. (1997) *Venice, Italy: A case study of the application of visual, dynamic and scale-invariant analyses for the description, interpretation and evaluation of City Form*. Final paper: MIT 11.330 (Theory of City Form). Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, Dept. of Urban Studies and Planning.
32. Duncan, J.S. (1990) *The City as Text: The Politics of Landscape Interpretation in the Kandyan Kingdom*. Cambridge: Cambridge University Press.
33. Mulvey, C. & Simons, J. (eds) *New York: city as text. (Insights)*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan.
34. Pilshchikov, I.A. (ed.) (2011) *Pogranichnye fenomeny kul'tury: Perevod. Dialog. Semiosfera* [Border Phenomena of Culture: Translation. Dialogue. Semiosphere]. Tallinn: TLU.
35. Pilshchikov, I.A. (ed.) (2014) *Semiotika goroda* [Semiotics of the City]. Tallinn: TLU.
36. Schönle, A. (2006) *Lotman and Cultural Studies*. Madison: University of Wisconsin Press.
37. Waldstein, M. (2008) *Soviet Empire of Signs: a History of the Tartu School of Semiotics*. [Germany]: VDM Verlag.
38. Kupovykh, M. (2007) Russifying Estonia? Jurii Lotman and the Politics of Language and Culture in Soviet Estonia. *Kritika*. 8(3). pp. 561–596.
39. Turoma, S. (2009) Semiotika gorodskogo prostranstva Yu.M. Lotmana [Yu.M. Lotman's semiotics of urban space]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 4. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/4/semiotika-gorodskogo-prostranstva-yu-m-lotmana-opyt-pereosmysleniya.html> (Accessed: 20th August 2019).
40. Knabe, G.S. (1998) *Moskva i "moskovskiy tekst" russkoy kul'tury* [Moscow and the "Moscow text" of Russian culture]. Moscow: RSUH.
41. Razumova, I.A. (2004) "Pod vechnym shumom Kivacha" (Obraz Karelii v literaturnykh i ustnykh tekstakh) ["Under the eternal noise of Kivach" (The image of Karelia in literary and oral texts)]. In: Belousov, A.F., Abashev, V.V. & Tsivyan, T.V. *Geopanorama russkoy kul'tury: Provintsiya i ee lokal'nye teksty* [The Geopanorama of Russian Culture: Province and Its Local Texts]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 101–121.
42. Lyusyuy, A.P. (2003) *Krymskiy tekst v russkoy literature* [The Crimean text in Russian literature]. St. Petersburg: Aletyya.
43. Fadeeva, T.M. (2000) *Krym v sakral'nom prostranstve: Istoriya, simvol, legendy* [Crimea in the sacred space: history, symbols, legends]. Simferopol': Biznes-Inform.
44. Ivanov, A. & Zaytseva, Yu. (2017) *Debri* [Wilderness]. Moscow: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoy.
45. Milyukova, E.V. (2000) Chelyabinsk: okno v Aziyu ili kray obratnoy perspektivy [Chelyabinsk: a window to Asia or the land of reverse perspective]. In: Sazhin, V.N. (ed.) *Russkaya provintsiya: mif – tekst – real'nost'* [The Russian Province: Myth – Text – Reality]. Moscow; St. Petersburg: Lan'. pp. 347–361.
46. Soboleva, E.G. (2006) Formirovanie mifa "Ekaterinburg – tret'ya stolitsa" v tekstakh SMI [The formation of the myth "Ekaterinburg is the third capital" in media texts]. In: *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'* [Literature of the Urals: history and modernity]. Vol. 2. Ekaterinburg: UrB RAS; Soyuz pisateley». pp. 95–103.
47. Litovskaya, M.A. (2006) Literaturnaya bor'ba za opredelenie statusa territorii: Ol'ga Slavnikova – Aleksey Ivanov [The literary struggle to determine the status of the territory: Olga Slavnikova – Alexey Ivanov]. In: *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'* [Literature of the Urals: history and modernity]. Vol. 2. Ekaterinburg: UrB RAS; Soyuz pisateley. pp. 66–76.
48. Klochkova, Yu.V. (2006) Formirovanie ekaterinburgskogo mifa v literature i ego transformatsii v proizvedeniyakh sverdlovskikh avtorov 20–30 godov XX veka [The formation of the Ekaterinburg myth in literature and its transformation in the works by Sverdlovsk authors of the 1920-30s]. In: Vepreva, I.T., Kupina, N.A. & Mikhaylova, O.A. (eds) *Yazyk vrazhdy i soglasiya v sotsiokul'turnom kontekste sovremennosti* [Language of enmity and consent in the socio-cultural context of modernity]. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 455–471.

49. Avanesov, S.S. (2016) Sacred topics of Russian cities. *ППАЭНМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ППАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 1(7). pp. 71–114. (In Russian).
50. Bogdanova, O.V. (2005) *Arkhitekturny oblik Tomsk* [The architectural appearance of Tomsk]. Tomsk: Krasnoe znamya.
51. Boyko, V. et al. (2011) *Arkhitektura gorodov Tomskoy gubernii i sibirskoe kupechestvo (XVII – nachalo XX veka): Tomsk, Biysk, Barnaul, Kuznetsk, Kolyvan', Kamen'-na-Obi, Narym, Mariinsk, Novonikolaevsk* [The urban architecture in Tomsk province and Siberian merchants (the 17th – early 20th century): Tomsk, Biysk, Barnaul, Kuznetsk, Kolyvan, Kamen-na-Obi, Narym, Mariinsk, Novonikolaevsk]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
52. Sitnikova, E.V. (2011) Derevyannaya arkhitektura Tomsk vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Wooden architecture of Tomsk in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta – Journal of Construction and Architecture*. 1. pp. 59–65.
53. Zalesov, V.G. (2004) *Arkhitektory Tomsk (XIX – nachalo XX veka)* [The Architects of Tomsk (19th – early 20th century)]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
54. Dmitrienko, N.M. (2010) K voprosu o meste osnovaniya goroda Tomsk [On the place of foundation of Tomsk]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(10). pp. 95–108.
55. Rezanova, Z.I. (2010) Mythological representation of “Tomsk – Siberian Athens” in communicative tactics of publicistic discourse (on the material of Tomsk weekly periodicals). *Yazyk i kultura – Language and Culture*. 1. pp. 74–84. (In Russian).
56. Romanova, L.S. (2004) *Zdes' nachinal'sya Tomsk. Proshloe, nastoyashchee, budushchee* [It is here where Tomsk began. The past, present, and future]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
57. Chernaya, M.P. (2002) *Tomskiy kreml' serediny XVII–XVIII vv.: Problema rekonstruktsii i istoricheskoy interpretatsii* [The Tomsk Kremlin, mid-17th-18th centuries: The problem of reconstruction and historical interpretation]. Tomsk: Tomsk State University.
58. Sukhanov, V.A. & Shcherbinin, A.I. (2017) Life and death of the “Siberian Athens”: the problem of the life circle of the metaphorical toponym in the discourses of the 20th – early 21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universitetata. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 47. pp. 149–170. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/47/11
59. Lotman, Yu.M. (2000) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-St. Petersburg
60. Nora, P. (2005) Vsemirnoe torzhestvo pamyati [The worldwide celebration of memory]. *Neprikosnovenny zapas*. 2. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>
61. Schwartz, B. (1996) Introduction: the Expanding Past. *Qualitative Sociology*. 9(3). pp. 275–282.
62. Katzis, L. (2009) Logos V.N. Toporova v lokuse “peterburgskogo teksta” russkoy literatury [Logos of V.N. Toporov in the locus of the “Petersburg text” of Russian literature]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 98. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/4/logos-v-n-toporova-v-lokuse-peterburgskogo-teksta-russkoj-literatury.html> (Accessed: 27th August 2019).
63. Mednis, N.E. (2003) *Sverkhteksty v russkoy literature* [Supertexts in Russian literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. [Online] Available from: <http://knie;orod.gmsib.ni//files/36.rar> (Accessed: 22nd August 2019).
64. Shchukin, V. (2010) Lokal'nyy tekst [The local text]. *Gumanitarnaya geografiya*. 6. pp. 290–293.
65. Bachmann-Medic, D. (2011) Rezhimy tekstual'nosti v literaturovedenii i kul'turologii. Vy-zovy, granitsy, perspektivy [Modes of textuality in literary criticism and cultural studies. Challenges, boundaries, prospects]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 107. pp. 32–48.
66. Tyupa, V.I. (2002) Mifologema Sibiri: k voprosu o “sibirskom tekste” russkoy literatury [The mythologeme of Siberia: on the “Siberian text” of Russian literature]. *Sibirskiy filologicheskyy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 27–35.
67. Kropotov, S.L. (2009) Lokal'nyy tekst kak tekhnologiya simvolicheskoy restrukturalizatsii staropromyshlennoy territorii [Local text as a technology of symbolic restructuring of the old industrial territory]. In: Abashev, V.V. (ed.) *Gorod; Perm': smyslovye struktury i kul'turnye praktiki* [City; Perm: Semantic Structures and Cultural Practices]. Perm: Perm State University. pp. 131–171.
68. Florenskiy, P.A. (1993) *Analiz prostranstvennosti i vremeni v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniyakh* [The analysis of spatiality and time in fine art works]. Moscow: Progress.

69. Chesnov, Ya.V. (1998) *Leksii po istoricheskoy etnologii* [Lectures on historical ethnology]. Moscow: Gardarika.
70. Aymermakher, K. (2001) *Znak. Tekst. Kul'tura* [Sign. Text. Culture]. Moscow: RSUH.
71. Fadeeva, I.E. & Sulimov, V.A. (2013) *Semiozis: sub"ektivnaya antropologiya simvolicheskoy real'nosti* [Semiosis: Subjective Anthropology of Symbolic Reality]. St. Petersburg: Asterion.
72. Lavrenova, O.A. (1998) *Geograficheskoe prostranstvo v russkoy poezii XVIII – nachala XX vv.: (geokul'turnyy aspekt)* [The geographical space in Russian poetry of the 18th – early 20th centuries: (the geocultural aspect)]. Moscow: Institut Naslediya.
73. Zalesov, V.G. (2017) National-Romantic Architectural Trends in Northern Europe Countries and Their Reflection in Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta – Journal of Construction and Architecture*. 6. pp. 50–67. [Online] Available from: <https://vestnik.tsuab.ru/jour/issue/view/20/showToc> (Accessed: 23rd August 2019). (In Russian).
74. Emelyanov, E.Yu. & Sitnikova, E.V. (2019) Modernism in Tomsk wooden architecture in the early 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta – Journal of Construction and Architecture*. 1. pp. 114–125. (In Russian) DOI: 10.31675/1607-1859-2019-21-1-114-125.
75. Erdman, N. (2000) *Samoubiytsa: P'esy. Intermedii. Perepiska s A. Stepanovoy* [Suicide: Plays. Interlude. Correspondence with A. Stepanova]. Ekaterinburg: [s.n.], pp. 303–582.
76. Kuritsyn, V.V. (1990) *Tomskie trushchoby* [The Tomsk slums]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/k/kuricy_n_w_w/text_0020.shtml (Accessed: 22nd August 2019).